

Сядет печаль под смоковницей

Моя песня прекрасна, потому что –
это песня жизни
на узорчатой веточке вешней вишни.
Моя ночь вдохновенна, потому что –
это ночь под снегом туманно-жемчужных садов
в доме из лунного света.
И ты, мой слух, мой взгляд, мой поцелуй –
полной луны олива –
серебристо-воздушное
око окаменелого дна ночи –
так хлебосольны стихами, приветливы
дрождю остывших развилок,
что сердца тромб выливается сталью
звезд из замерзшей грудной решетки,
и не хочет биться, только в одной груди.
Краснокожий закат воскурил твоё имя,
моя песня,
сноской с пергаментов
шепота леса – с вещей ключей;
кровью с ветра тюльпана.
Кем назвалась моя песня –
вестью, вестью
блудницы-любвицы;
местом, местом
забытого и обретенного знания прикосновений.
Время её –
когда сядет печаль под смоковницей.

Золототечение

от дождя
почувствовал радугу
в твоих глазах

от огня
солнце увидел
в твоих ладонях

розы рубин
распускает
майскую вьюгу

лилии мая
солнцем твоим
иней смирили

в твоих губах
влага росы
дрождю пурпурной

в моих словах
плеск серебра
ласковой ночи

в моих словах
шепот агата
с ветвей ночных

Гидротермальная кровь

Могильный гранит – весне.
Желтушный восход крошит коврижку июньского солнца
в подливку болотной соломы, в моль тополей.
Слышишь, завяли ручьи, пустыня ноет губой иссохшего русла.
Но мне – хорошо; мне сладко от воздуха
из выхлопной трубы форточки
в перекуре вечерней мяты, в ментоловой грусти
упавшего света. Пыль янтаря выколет глаз, почки
окон сомкнутся в коконы снов – вот оно,
разряженное пространство бесчувственной
черной вены, дым тысячелетних звезд.
Гидротермальный источник ночи – сердце мое.
Всеядность огня
смиряет вечер, обращает алмазом ночь.
Слышишь, весна умерла,
умерла на моих руках, буквально рядом,
почерком одуванчика
на легковесном зефире поставила подпись-облако,
и пролилась дождем звездопада
в жемчужное молоко.

Mer de citron*

Вечер.
Персиковая облачность.
Выходи на прогулку с закатом.
Одевайся в багрянец света, сердца, в молоко березовой роши,
в настойку дремлющих трав, в сладкую тень сирени.
Ясли прохлады – мед.
Ясли прохлады – нежная мята.
Ветер смотрит в лицо, открытое сумеркам;
ветер, как крошки хлеба, сметает слезы гаснущей майской звезды.
Вечер.
Лимонное море омыло береговую линию улиц.
Неоновый иней распался на хмель, на шаг,
на вздох пустоты.
Пламя ночной розы с твоих ресниц
улыбнулось весенним мраком,
распустилось берилловым
ожерельем.
Вечер.
Ручьев лабиринт
потерялся близ твоих глаз.
Вещие сны бродят – рукою подать.
Солнцем опавшим плещется
бессмысленных слов узор.
Туманность опущенных штор.
Вечер, укравший тебя
и твое сердце...

* – (фран.) лимонное море

Облако June

Свинцовой ночи сон под тополиной ватой.
Июньский бред удушливой зари
сквозь окрик ядовитый горизонта.

Танцующее пламя твоих глаз
и облако прикосновений ветра.
Рассеянная тина занавесок
отбросит тень на наготу алмаза.

И свет умрет, растаяв поцелуем,
и свет уступит продолженью ночи,
и ночь рассвет окрасит в черный бархат,
когда хрусталь росы слезой нальется,
когда листва научится любить.

Протуберанцы

Синий кристалл озера и млечное одиночество лебеда;
порванный плащ неба и матовый блеск солнечной линзы;
дождливая оспа в глазах лягушки – проекции первых стихов лета.
Крыши, карнизы, крыши, карнизы..
Ржавых закатов клей на створках, на ветви
сиренево-изумрудной, снежно-серой тоски.
Луна целует ночную пену.
Фонарная плесень – млечное одиночество лебеда.
Сырость, дыханье реки
на чешуе рыбы – пространство без координат, без времени,
без опостылевшей рифмы.
Сказка течет по усам горькой водой цветения.

2 вариант

Сапфир голубого озера и млечная звездочка лебеда;
разорванный плащ неба и пыльная линза солнца;
дождливая оспа сферой лягушки –
проекции первых летних стихов.
Крыши, карнизы, крыши, карнизы ...
Растущий закат, клейкие крылья на ветвях сирени
изумрудно-серого снега отчаянья.
Лунность целует черную пену.
Лампы мерцающей плесень – сиротство млечного лебеда.
Сырость, дыханье реки на фарфоре рыбы –
пространство без продолжения
в горьком цветенье воды.

Роса Марианской впадины

Если б любовь могла говорить (со знанием дела,
с упорством ржавых гвоздей последних инстанций),
объясняя саму себя,
выдавая все карты и масти –
я предпочел бы остаться глухим,
я предпочел бы быть верным себе –
мешая золу и серебро,
играя осенний джаз в проулках темного сердца,
импровизируя в нервных апрельских темах,
нелепо, неровно, неверно, не к месту,
с искренним чувством морской волны,

багряной вечерним гранатом,
с трепетом влажной ладони утреннего тумана
в пластике воздуха,
затягивая
снежной чахоткой раны и рвы
на рваной плоти стихов.
Если б любовь могла говорить (со знаньем предмета,
физикой, химией, анатомией красок,
с учтывым спокойствием горных седин) –
я бы заткнул ей рот
скверной наливкой, терпкостью виноградного хмеля
с тряпичного поля созвездий,
в каждую клеточку слова
вонзая надежду, надежность и безнадегу,
взбитые вязким болотом,
я бы назвал ее – трупной, глупой, бессмысленной,
мертвой,
не потому ли, она, так смертельно неожиданна,
как роза жизни, вспорхнувшая алым дыханьем,
так наивна и первобытна, так прекрасно печальна,
как майская пыль цветов в волосах зимней звезды.
О, если б любовь могла рассказать –
она бы молчала...

Побережье тающего запада. День 265-й

Изношенные мысли, как осколки ран,
разбросаны
пугающе прекрасным
вечерним кровотоком бляхи солнца.
Нам подмигнет соседских окон тик,
нас пропитает краской
от приглушенно-ласкового
оранжа крылатых занавесок.
Ладонью глядя воздух,
мерцанье шепота бросая
в парное молоко изнеженных акаций,
ты, провожая
травяной ехидны майский
шлейф,
слезой рубина преломишь свой взгляд.
Тебе напомнить –
как мы одиноки,
как мы любимы ночью.
И мертвый сад
восставших снежных звезд
поставит прочерк –
где пустота блаженна, когда она есть свет.
Склонит луна на ветвь
серебряную шею,
мы растворимся, как изношенные мысли,
в журчании смолы,
чтоб завтра обрести немного праха
от золотого летнего костра.
Склонит луна на плаху
закатную волну, и плеск со дна
холодной синевы
обдаст, пробудит, разобьет меня
о твой порог желанья,

о наготу пунцовой ранки
на листве, дрожащей ветром диафрагмы.

Поцелуй

черное море открыло крылья
подготовило пенную влагу
для возвращения
к ласкам разлук
и ожидания
здесь остались –
импровизация в духе радости
частичка тепла на щеке сентября
золотая грусть
янтарный дождь
кольцо из ветров и листьев
мраморный сон горного света
искры воды на обложке пустого пляжа
призрачный стон облаков
пугливые тени аллей
мимолетные краски
синее пламя вечерних этюдов –
чтобы память
стала звездой
в созвездии наших имен

Цветами нежными срывая слезы

Рассветная магнолия сияла диадемой.
Сандал с волос струился
на утреннем ветру.
Ты одевала пояс из весенних роз.
Ты восхищенно пела.
Растаявшим туманом багреца
с щек капала мелодия росы.
Ты охраняла сны
несбыточного лета.
Ты собирала пенъем
с жемчужного венца
рощ северных
дыхание живое.
Ты разливалась морем
струн хрустальных.
Душистая корица на устах
осыпалась зарею –
ты целовала ветер.
И холод спальни,
холод стен и рам
легли к твоим ногам,
к ногам несбыточного лета,
к дороге в никуда
из края юности наивной и печальной...

Предел желания

Закат обрушился пустынным багрецом.
Твое лицо – мое лицо –

и нить чернеющей и одинокой песни.
Закат налил в глаза свинца,
и у лица, у твоего лица
проснулась маска сожаленья –
а может, это просто краска сердца,
что впрыснула в мой сон огонь
могильных окон.
Закат связал узлом
двух душ надежду-призрак,
он соткан из граната и агата,
он окрик мой в осколках твоих глаз,
и рук, и слов.
Молчание, как ветер.
И мы уснули, в шум дождя
бросая километры
вдохновенья.
Ты помнишь, там, обрыв сердцебиенья,
и слезы утра обжигающей росой.

Чешуя дракона

Холодная, как змея, ночная печаль,
и твое дыханье,
словно цветущий май, словно вуаль
садов из жемчуга.
Ожерелье глухого огня сквозь занавески
и платье из наготы, из мраморной кожи
морского прилива.
Подойди напоследок, скрась этот сумрачный бал.
Мы все подытожим
потом, когда лунность скроет рассветная грива
палящего зноя.
Холодная, как чешуя дракона, ночная звезда,
и твое мимолетное – здравствуй, мой темный восход.
Взгляд пробежит волной
из серебряной пыли.
Мы были здесь, скажешь потом.

Надрывно шумит тополь

Надрывно шумит тополь,
хлестая июньскую синь жарким шепотом листьев.
Слезятся глаза – ветра топот,
ветра дыхание чистое с привкусом
свежей симфонии дальнего берега моря.
Утро убьет полдень, полдень сожрет вечер
парящим закатом, вскоре
мою долю разделит ночная млечность –
словно туман,
словно слово немого,
заговорившего тихим лунным сияньем.
Там – надрывно шумит тополь; там –
хлестая июньскую тьму выжатым шепотом листьев
слезятся звезды,
путаясь в мыслях
высотой полета и созерцанья.
Свет так близко
и так осязаемо недоступен...

Менуэт

Загорается западом ветер.
Смоль стреляет по шапкам лесов,
смоль твоих и моих одиноких
глаз усталых, усталых, как дети
в этой пенистой влаге рубина,
в этом песенном море без слов.
Мы наверно умрем и растаем
пожелтевшей травой под дождем,
мы, наверное, что-то не знаем,
мы, наверное, и не вдвоем,
только это все – призраки лают,
только это все – ночь плетет страх.
На губах твоих ветреных тает
мое слово и солнечный шаг
под обрыв, под чуть видную кромку,
за которой нас ждет серость зим.
Только это все, так, недомолвки,
а пока – ты одна, я один,
и нас двое на красной дорожке
у лесного хребта, в мраке дня.
Обними мою дрожь своей дрожью,
словно ветер, глотнувший огня.

Соцветия кристалла

Лучистые озера – летний сон в соцветиях граненого кристалла.
Реки кубовый лед – русалки плеск фривольный.
Стон изумрудный бора – лешего дремучая баллада.
И вольно, вольно, вольно, вольно, солью
до боли раненных зрачков.
И верно, верно, верно, верно, пленное
сердечное смятенье.
О чем я? –
О Любви.
О ком я? –
О Тебе.
Все давит радугой непознанной природы.
Все говорит умри, умри, умри
для смерти и для праха.
Озера, реки, бор стальной пружиной изнутри
выскальзывают в облачную вахту,
выскальзывают в неба хороводы,
чтобы родить еще один глоток скупой мужской слезы
для женственности взмаха
крыльев солнца.

Блэк Дог

Шаг, вдох летнего льда,
Шаг, стеклянная прорезь глаз.
Рассветная сталь срезала остатки ночи,
Вскрывая лишайник
Ожившего города.
Снежный ангорский кот, как всегда,

Задумчиво вглядывался
В ухмылку мертвой луны,
Неподалеку от, вьевшейся в ткань
Повседневности, остановки.
Роза пыльного облака от ноздрей,
Лежащего на остановке
Прекрасного черного пса,
Мощный вздох сожаления и тяжесть смирения
Бродячей души пепельных перекрестков.
Будто след от ошейника
Тропки ран на персидской шерсти,
Расчесанной мудростью улиц.
Его взгляд полон винной грусти,
Нежной печали и ночи.
Я смотрел на него,
Как на тень ветхозаветных пророков,
Очарованно и вопросительно вдохновенно.
Утренняя сонливая суета
Не задевала его смоляных горизонтов.
Черный пес поднял
Хромое тело юного льва,
Подошел ко мне сзади и лег.
Он не смотрел на меня,
Но я чувствовал его глаза –
Уголь и металлический блеск,
Спокойствие и надежность,
Ветер легенд и сказаний.
Кажется, он понимал и слышал меня.
Золотая призрачность
Точки соприкосновения.
Мой автобус. Я не прощаюсь.
Роза пыльного облака от ноздрей,
Лежащего на остановке
Прекрасного черного пса,
Растаяла в сердце нового дня.

Венецианский карнавал

Венецианский карнавал июня
Нещадно дует
Ураганом
Летнего солнцестояния.
Полуденная сыпь цветочных рынков
На эпидермисе развалов придорожных.
Лимонная душа раскурена кальяном,
Распарена туманом обнаженных тел.
В ночных подвалах
Спряталась прохлада
Речной волны,
Рябь водоемной тины,
Шум камыша и зеркало луны.
Пыль изумрудная, медовый воск свечей
На ягодных глазах любимой.
Куда спешишь ты, душный красный уголь
В грудной обшивке, где огонь твой, угол?
Все там же, там же, у скупого сада
Ответов на вопрос: кто и зачем?

Роспись по ветру июля

Горячая кровь младенца июля
прогрела сахар травы,
пропела свадебный марш
на холсте небесной любви
ночи и дня.

Хрусталь дождевого ветра
осыпал в утренний пепел
дорог влагу живую.
Роса облизала пальцы цветов.
Деревья вздохнули огнем изумрудов.

Расшит поцелуями воздух, и ткань
стеклянных прудов
отражает твою наготу,
моя ледяная муза,
неуловимая лань,
тень,
вестница счастья,
тонкая весточка берега
у песочных холмов и янтарных побегов
солнца.

На полынь клюет. Anima*

На полынь душа клюет,
а от меда – приторна,
Тишиною багровеет,
от бесед – бледна, как снег.
Ты ищи мой ветхий дом –
там, что за калиткою,
Ты ищи мой храм пустой
в небе полном соколов.
А листвою разбазарен,
а болотом выношен,
А печалью освещен,
а приветлив теменью.
На полынь душа клюет,
на печаль Всевышнюю,
Поищи мою звезду
в слепой ночи бархатной.
Поищи мои глаза,
там, где рвутся венами
ангелы поэзии,
тени беспроглядные.

* – (лат.) душа

Увертюра №3. Пробуждение

Рассвет взорвал дрожащий купол ночи.
Осколки звезд осыпались в росу.
Дома сожгло пожаром горизонта.
Тепла источник
выкатил глаза,
обдал янтарным потом.

Восток сыграл прелюдию Шопена.
И в легких воздух сбился летним соком,
и на постели оставался голос
ночного ветра – черный океан.
Под сладость флейты с огненных деревьев
она вошла телесным шелком в день,
где пряли леность
золотых минут влеченья,
и окрылила тень
от занавесок, и отреченьем
отдалась лучам в окне.

Переплеть

Вы слышали, что наркотик –
сильнее инстинкта
самосохранения?
Любовь – это наркотик,
война – это наркотик.
С завершеньем любви – ломка;
с окончаньем войны – ломка.
Вы слышали, что в наших венах
течет душа, такая хрупкая, тонкая
незримая птица-облако?
Вы слышали, что сердце –
это любовь, вы слышали,
что в сердце покоится порох войны,
войны антитез?
Ветер рвется все выше и выше,
ветер желаний, ветер страданий,
но горы хранят тишину,
наркотический вакуум,
гармония и добродетель движенья воды
в русле божественной воли.
Ветер утихнет в сердце,
война рассеется дымом,
память отыщет природу любви
на руинах боли –
я верю, я знаю, я вижу в кругах под глазами,
под слоем талого снега,
под скрипом старых замков,
под роем пчелиных укусов надежды –
ветер оставит
веру,
вера очистится в тень родниковую
августа.

Бабочка взгляда в разводах лунной мишени

Бабочка взгляда в разводах лунной мишени.
Благословение тихого края серебряных струн.
Звезды искрятся шампанским. Черная влага воздушного плена.
Хочешь, мы будем купаться в ключах прохладного ветра,
пустившего семя в стружке звенящей листвы летних пожаров.
Хочешь, мы будем гоняться за тенью Эдема до раны рассвета,
вскрывающей стыд. Бабочка взгляда сверкнула кинжалом,
выуженном из пламенной розы сердца, из кристалла кричащих
губ полнолуния. Снежная пыль осела в ладони неба.

Нас уже ждут теплые кубки слез Диониса.
Сладкий поток поцелуев – ступени из яшмы.
Улей тревожный алмазного света.
И чистая, чистая, чистая, чистая
ночь на подмостках прощанья.
Мы убегаем июльским следом в окна рассвета.

Агат

Морской бриллиантовый блеск, дорога из пепла созвездий,
Гранатовый дым горизонта и пьяных утесов агат.
Кричащей чайки метель раскинула сердце над бездной.
Молчанье остывшей гальки и тающий лед-закат.

На брызгах волны – прядь луны – свинец, седая душа.
На выходе слов – прибой – дрожащий хрусталь гортани.
И млечностью бредят следы, и тянется ночь не спеша,
Туда, где дорога созвездий цепляет утесов агат.

Туман

безнадежный мрак ночи
и невозможный рассвет.
горячая боль
и холодное откровение.
скрип пустоты
и скрежет ничейной дороги.
сердцебиение сна
на обложке черного ветра.
солнце пепла и звезды
скупых окон.
принятое одиночество
в распростертые когти угля.
бродячий туман слов
ищущий чашу безмолвия.
тусклое пламя губ
шепчущих в рваный воздух.
жалость затасканных стен
и гневное эхо надежды.
благо последнего вздоха
сквозь вечное воскрешение
сквозь мертвые свечи цветов.
ласка теней и грубая
флейта горящего горизонта...

Покой твоих глаз. Фантазия

Покой твоих глаз
подобен снежной заре,
подобен осенним кристаллам листы,
усеявшим пустошь аллей.
И ночь ниспадает на плечи твои
агатом и сотней алмазов.
В тумане волос – библейский елей
и прикосновение молний,
что золотом неба цветут.
И розы огонь наполняет

твой каждый ветреный шаг.
Движений прозрачные волны
сродни изумрудной траве.
Зову я тебя на ста языках –
беспечная грусть и надежда.

Игра в цвета

Радуга села мне на крыльцо,
радуга-пыльца
с вешних лучистых созвездий
цветов полевых.
Лето скрутило солнце-кольцо,
солнце-кольцо на пальцах
медом янтарным.

Северный ветер утих,
ушел восвосяси.

Мы пробежимся по утра
нагой и прохладной вьюге.
Ты – в легком платье
из ландышей и сирени.
Я – нараспашку, в рубахе
из камышового шелка.

Мы растворимся здесь и сейчас
в тонком
внимании глаз васильковых,
в снах из пряжи июля.

Стоп-кадр на вдохе

Жизнь – это маленький промежуток в океане небытия.
Страх рождения и страх смерти – две пограничные точки.
Жизненный опыт, лишь малая толика замысла.
Но, как трудно поймать мгновение, вот это, данное,
когда прошлое – только серия интерпретаций, а будущее –
шорох прогнозов, мгновение, созерцающее само себя,
называемое настоящим, прожить его, вчувствоваться каждой клеткой, кусочком
дышащего осознания, как трудно справиться
с ускользающим электрическим скатом мысли, многогранностью
восприятия зафиксировав каждый глоток быющего
родника момента времени.

Подсолнух

Подсолнух солнца маслом золотым
излился в середину лета.
Грозой цветущей опалилась вьюга трав.
А ночью дождь бродил по окнам
пьяным серебром и дым
рассвета бредил
туманом млечных мотыльков.

Трубы дождя в музыке луж,
многоголосье закатного ветра,
бабочки звезд и дурман облаков,
где тот художник, что это
затмит мастерством ремесла,
где тот маэстро, что так же сыграет
партию лунных этюдов.

Линзовый свет

Душный свет пробивает жалюзи летних ресниц. Утро.
Вены дорог набухают музыкой пыльных колес.
Пыль подступает к горлу, взгляд оседает индиговой мутью
неба, неба уставшего города. Ветер принес
сквозь доменный воздух частицу берилла
с далеких равнин. Спасибо ему за надежду
на берег души, одетый в свободное пламя.

Солнце кропит ожоговой нежностью
в срез городского планшета.
Копоть лижет асфальтовый сумрак,
как леденец. На побережье
стальных проспектов гуляет
мечта, влюбленная в море –
залежи мяты в недрах
сухого горла.

Горный сон

На жертвенник горизонта
вспрыснет медной волной
кровь закатного солнца.
Ударив по струнам холода,
расколется ночь звездным стеклом.
В пустыне смолы увязнет лунное эхо.
Линии сна обретут очертания горного лона.
Ты превратишься в разряженный воздух,
в музыку снежно-молочных заглавий,
в песню бескрайней долины
у молчаливо-тяжелых подножий.

Искушение

Месяц в рог зачерпнет ночную метель.
Сердце вздрогнет серебряным ветром,
распустив жемчужные нити.

Мертвый блеск фонарей,
звезд роса, тьмы елей.

Окаменевший
углем рассвет
уличного
полотна.
Чернооую песнь пой до хрипа, до дна,

пусть услышат глаза подворотни
мелодию
жизни,
мелодию
плоти,
горящей душой
неисправимой.

Пусть проносятся мимо
тени преданий
пьяным заветом.

Месяца рог прольется метелью ночной.
Сердце вздрогнет трясинной
звездной росы.

Приходи на свидание
с ветром.

Безнадёжно ласково

Ты плачешь?
Слезы – привкус со дна моря.
А на ладонях –
капель весенней пыльцы –
медоносная слабость,
покрытая солнечным блеском.
Ты смеешься?
Радость –
легкость осеннего поля,
искры хлебов,
собираемых нежной рукою
поэзии.
А в глазах –
застыли янтарные свечи –
быстротечность
блаженства
под теплой луной,
и вечность
сиюминутной влюбленности.
Ты смеешься и плачешь?
Как безнадёжно ласково.
Знаешь, тебе идет.
Малые вольности –
святые капризы –
для тех, кто любовь
прорицает.
Искры хлебов,
привкус волны травяной –
подмешай и меня к своим сказкам
золой полевой,
играющая с дождем.

Ноктюрн

Маяк луны
бросает известковую палитру

в нагие ставни.
Вдыхая цитрус
южных ветров,
ты провожаешь взглядом

хрустальный хвост,
летающей под откос
звезды садов полночных.
Неторопливый почерк

нежности
поставил роспись
под лилово-черным
горизонтом.
Цикады плавят воздух
музыкой кристалла,
искрящей в свежесть струн.

Ты не спала, ты в эту ночь встречала
мечту, отлитую из лун,
прохлады и печали
вдохновенно-ясной,
упавшую слезой
июльской грозовой звезды.

Ты не спала, качая ночи ясли
ладонью, опаленной
в летней страсти
сердца,
подчиненного любви,

любви открытой
первобытной тишиной.

Секрет улыбки лета

Когда пылевидной ромашкой, словно первым дыханием снега,
утренний луч проберется в спальню и сорвет вязкую мантию
с праха ночных галерей, когда маслом олив умоется летнее
поле, и вспыхнет песок перламутровой радугой

вдоль небесно-болотных аспидов рек, тогда ты выйдешь
в шелке своей наготы на балкон и воздушно-янтарной комой
взгляда начертишь дорогу по шрамам ломанных крыш,
дорогу к секрету улыбки лета...

Шепот песка

На берег, раскаленный в жемчуг лета,
гони волной свой невесомый шаг.
Лови огнями изумрудными приметы
тенистых роц под августовским небом.
Ищи в устах
степей ночей безмолвных
мелодию, отлитую из блеска
пшеничных звезд и бархатного плена
обратной стороны луны.
Стрелой надежды меряй расстоянья,

над і все точки, под ногами почва
уходит, чтоб вернуться океаном.
На берег, орошенный млечной пеной,
беги, беги,
беги волчицей вольной
загадывать желанья.
И больше не ищи разлуки
ночи,
туманность одиночества
занесена
лилейно-желтыми песками,
отнесена,
распята,
безысходна...

Narcotic

Кровоточащий свет желания смерти в желании жизни.
Облако ядовитого газа, распыленное поцелуем природы.
Скользкие черви звуков, осевшие в кальку слуха.
Воздух, отравленный потенциалом дыханья.
Грозное небо в перьях болезненной тени души.
Позолоченная сера неутолимого голода.
Паучья смола безвременья на перекрестках зари.
Пепельный дождь плоти
в северном
сиянии
чахоточной истины..
Могильный экстаз последнего вдохновения,
последнего шага на острие безволия
в растительном тлении
скрученных вен, пересеченных дорог.
Конец уже близко,
не так ли? (молчание)
Начало,
истертое в грязный снег слезоточивого марта,
излито в беспмятство.
Свинцово-животным взглядом лижет
надежды мрак разоренное логово –
еще один раз, один краткосрочный глоток
лжи и самообмана
для будущей боли,
для будущей смерти в желании выжить,
катаясь по дну преисподней,
оплаченной дьявольским фартом.

Экстатическая единица вдохновения

Как экстатическая единица вдохновения –
небрежно-лунный взгляд,
отравленный желанием любви,
брошенный незнакомкой
на расплавленной остановке
августа.
Шоколадный воздух дистанции,
незримая тайна губ,
кричащих сквозь тишину –
это он, он, что окутал дыханье сновидицы

ароматными розами вечной ночи.
Ее мир,
истекающий
юным вином
солнечных струн Андалузии
под панцирем внешнего льда,
опьянено ютится
в мгновении воображаемого наслаждения,
чтобы через секунду
вспорхнуть тяжестью пыльной зари
городских уставших сердец
на подмостки маршрутки,
унося с собой миф неприступной богини
алмазно-звездного одиночества.

Гранат

В гранатовых сумерках, в налитых свинцом звездах
Сводит мосты август,
Бродит сквозняк аллея
Прохладной дымкой листвы.
Небо тряпичное грозы
Режут на пазлы,
Как вены.
Август сжигает мосты,
Август пылает сердцем глубокой ночи.
Кожу аллея поцелуем украсит
Влюбленная полночь губ.
Взгляд обесточенный
Темно-Мариновых глаз
Пляшет
Вокруг
Твоих воздушных созвездий,
Созвездий желаний.
Бездна
Над нами,
Под нами
И в нас.

Летаргия

Увядший лепесток осенней искры сердца
подхвачен ветрами зари
из канареечно-каштановых подвалов.
Плач полевых цветов несется
росой озябшей. Говори же, говори
со мной затмением фонарных сальных
свечек, осенний свет, что на глазах твоих
оставит крошки лета.
Прибоем инея на гавани небес
мы извлечем печаль и нежность
золотого пледа
озябших парков, рощ, где, спит мертвецкий блеск
земли. Я так люблю тебя,
бродяжий нищий крик
осенней ночи – в нем, твоя звезда

ручьём стеклянным
льет за воротник
смолу и мед июльских поездов.

Грани

загадка смерти
сродни
холодной тайне
безмерного космоса

звон полунот сквозных колокольчиков
слепые разводы полутонов
звездно-снежная пыль незримых страниц

горечь дыхания жизни-познания
разбавит
сладкая боль небытия

за пределами смерти
лежит бесконечность вселенной

Лютня

время – тонкая струйка золота
в песочных часах
пространство –
ветер разбитый о скалы
сквозь пространство и время
я ищу твою боль
твой страх
потерять нить рассказа
о нас

я лечу их безвременьем
многомерностью света
в глазах влюбленного вечера

дождь
и
ты –

музыка зазеркалья
отраженная в озере
пресных дней

ты срываешь полынь
ты рисуешь углем
ты дрожишь ноябрем

скользко
от слез
и ласково по-кошачьи

Die Lichter und Farben*

В деготь крови
венценосной
ночь растаяла
черным пламенем,
цепи сбросила
звездой молитвы зимней.

Жди весны,
весны мертвецки
ароматной,
через сны
царапающей фрески
ватной
слабости и легкости
вина.

Со спящих рыб
на дне берилла,
с потомков ласточки огня
срывает весть душа,
скрываясь в кладке трав.

Возносится пурпурное светило
зари, растаявшей
в гуаши сочных ветров,
плодами утра павшей
в створки глаз -
жди света,
перекрашенного
в лето.

Обрывки фраз
листвы позолоченной,
туманы парков -
осени свечой
погас еще один виток
лазоревой орбиты.

И умерев, как бархатный цветок,
воскресни в иней роз
под зимнюю молитвой.

* - (нем.) огни и краски

Полонез

Серебристый дождь в висках.
Рыбий взгляд небесного алмаза.
Ржавым багрецом артерии асфальта.
Лето плетью родниковой на губах.
Лето километром жарких гроз
бьет по окнам, по рукам, по язвам

стоптанной травы.
В дверь стучится серая вода.
Влажные туманы-гобелены
поднимаются драконами с земли.

Я стою в заплаканной вселенной
летнего огня...

Фотон. Сопричастность

ожерелье утренних звезд
тлеет
молочными искрами

гаснет ночное
вихревое
око Юпитера

вырванные
огненными языками
с поверхности
термоядерной сферы
частицы света

претерпев
восьмиминутное
паломничество
в пространстве черного льда
в могильном вакууме space

оседают
на коже лице
ароматом
золотисто-кофейного лета

растворяются
шоколадом
южной бархатной крови
и смарагдовой
тканью листвы
в пепельной тени полдня

с бокала вина
капает солнца
янтарь
soul of the sun

Пастораль

Надломленный, хрустящий сук дороги.
Седеют облака в морском разливе неба.
Тряпичный ветер раздувает кровь полей.
Рассвет свирелью падает под ноги.
Рассвет дымит румяной коркой хлеба,
Ключей огранкой режет швы ночей.

Жужжит пчела, цикада точит воздух,
Дорога водит за нос мудрецов,
Дорога верит, только поту с пылью.
Рассвет сплетает мне пшеничный посох,
Ромашковым настоем с багрецом
Пьянит и жмет к земле, чтоб взмыть под синий
Ковер, в небесный взгляд,

В приток Востока.

Импровизация #1. Вечернее

Эфирный вечер.
Березовые струны ветра
настроены на запада огонь.
Наречие
рябинового света
сливается в бутон

закатной розы,
и пленники огня
летят с откоса взгляда
в эфирный воздух.
Ночной костер, слепя
размякший разум,

подбрасывает
хвороста созвездий
и лунной кислоты
помазанникам
бездны,
посланникам любви,
холодной и последней,

и жемчугов песок
и серебра ладью
разносит черной гривой,
на посошок,
на вечную звезду,
на вешее бессилье
перед глазами сердца.

Импровизация #2. Изумрудный пепел

Я помню иней цветов на пальцах
и радугу первой усмешки
сентябрьских рощ.

Лето, что мы схоронили
в сердце озерной памяти,
оно будет ждать нас
на следующей
остановке,

оно будет петь нам
метелью листвы
под ногами,
как непреходящий ветер.

Уснет шелкопрядный прилив
бирюзы и шафрана,
фужеры наполнив дождем
в плеяде остывших рек,

тенью скользнет
под сырую кожу луны

изумрудный пепел –
вальс мотыльковый парковых склепов.

Бескровная влага
небесной росы
утолит
свою жажду
печали
кристаллизацией ночи,

и белое золото ада –
снежный огонь –
взметнется сверхновой
на ледяном горизонте молчанья.

Identification*

Я ли
явь,
я ли
явственно
яшмой
и ядом
солнца питаем
сквозь миллиарды жизней и зим?
Не я
и я,
я и они,
они и я –
руны
отлитые
сталью
полярной звезды –
одно –
цветы
в лунном саду
памяти
Бога,
где дважды два –
миллионы столетий и душ.

* – (англ.) идентификация

Соул-дождь

небо
разбавленное
мутной водой
заросшего дачного пруда

дождь
застоявшийся
на берегу горизонта
в расплавленном олове августа

лоза
змеящейся
свирели проводов –

хранящая чужие разговоры –
мое молчанье

и всюду
всюду
липкий пот и грязь
от сладости
дотошной правды
честней которой
только ложь
моя

небо
откровенное
окровавленное
окропленное
верой
честней которой
лишь
безбожие
моей молитвы

дождь
(затаившийся
в прокуренных легких)
разъедающий
кожицу взгляда
расщепляющий
звуки
в сплошную волну
свинцово-хрустальных пуль

лоза
заброшенной
в спешке тропинки –
из огненных маков заката
познавших мое сердце

и всюду
всюду
холод слуха –
блеск темно-ржавых вод
в асфальтовом антике

поговори со мной
август –
хмель золотой
драконьего солнцеворота –
Илии гроза-колесница –
поговори со мной
в разлуке рек
в распаде моей тени

Жемчужина

Все гораздо глубже,
Друг мой,
Все гораздо глубже.
Ароматом цветка

Согревается
Пламя звезд.
Лист опавшего клена вмещает
Целый осенний закат.
Капелькой влаги с карниза
Звенят
Малахиты весенних равнин.
Искра снежинки
Играет
Льдом полярных ночей.
Все гораздо больше,
Друг мой,
Все гораздо ближе.

Карусель

маленькая девочка
давит нежными,
неокрепшими ножками
голубей в городском сквере –
так ее научили любить

танцуйте закатами вишни
моих окровавленных глаз
прядите узорами тучи
каркас ледяного молчанья
я также немного безумен
как брызги дождливых фраз
я также немного устал
как ветер в соседнем подвале

а за окном царит полночь
ясная чистая лютая
а на окне сидит голубь
раненной бледной тенью
раною детской любви
зачем так?
спроси у эха

танцуйте закатами вишни
моих окровавленных глаз
прядите узорами тучи
каркас ледяного молчанья
я также немного безумен
как брызги дождливых фраз
я также немного устал
как ветер в соседнем подвале

маленькая девочка
голубка скверов плетеных
в обойме времени плачет
сидит на карнизе ночи
крылья врачует водкой
пепел от звезд глотая
зачем так?
спроси у птицы
зачем так?
спроси у птицы

Шафран

Платье из плача – дождь.
Лира из листьев – ветер.
Колокол волн колет
берег осеннего света.

Тени аллей – саван.
Холод зари – золото.
Жатва звездного тлена
в купол осеннего мрака.

Посох из воска – свеча,
что освещает молитву.
Косы из россыпи ветра
в ночь заплетает лира.

Предсмертное дыханье листопада

Осень.
Предсмертное дыханье листопада.
В могильном золоте
вдвойне великолепней
красота.
За воздух –
сырой, дождливый, ватный
прах-бальзам –
цепляется слезою не приметной
ветер птиц.
Мне ничего не надо,
кроме ваших глаз
и кроме ваших уст –
прибой янтарный
в ржавчину дорог,
полынь артерии речной,
нагой алтарь, луны горчащий вкус,
венозных скверов нимб,
надежда на бессонную прохладу
поэзии ночной.
Аорта солнца на разрыв.
По тине окон блюз.
Предсмертное дыханье листопада –
за ним, лишь вечность,
вечность, вечность – миг.

Неизлечимая доза любви

Неизлечимая доза любви –
ее танец смертелен, как сок горячих ключей,
ее плоть капризна, как осеннее настроение,
ее глаза – северное сияние.

Атмосфера огненных шапок холмов
в закатной купели
истлеет окурком ночи,

как и наши слова
о верности снам без любви.

Давай останемся снова
в льняных ладонях вешнего сердца.

Локоны утра падают на беспробудность
губ, охраняющих руны ночи,
ночи, где все граничит с тобой.

По водосточным трубам
спешат дожди,
напомнить тебе о желании,
быть вблизи
этих строк...

Адью

Икона неба крестит облаками
новорожденную фантазию
увядших летних глаз.
Концовка августа светает
соломенной проказой
пещер осенних. Сердца пласт

нарезан листопадом в память,
в горчицу пляжных сот,
в тепло сквозное ночи.
Икона неба тает
дождливым пульсом, потом
пшеничных гобеленов. Прочерк,

я ставлю прочерк
на душе, а за душой –
поет фантазия тропею журавлиной,
теплом остывшим ночи
и росой
с серебряных волос любимой.

Готика

Тонко-кислотная струйка ночи
кровоточит в зрачках фонарей.
В бумажную стружку ветра капает лимфа луны.
Клок отрешенный мертвых созвездий провис до костей
неба, цвета заброшенных шахт преисподней. А у стены,

расстрелянной гнилью дождя, маячит ржавая дама-смоль,
с арфой бескровной через плечо, с судорогой
на землистых губах, с нежным настоем
из эпилептических трав.

Влагой аспидной ноздри по воздуху.
Бродит себе и думает:
"Кто бы подкинул на чай?"

(вскрытой тряпичной веной,
пулей в ребрах осенних).

Водит от савана тенью,
ей же скользит в подвалы души –
здесь ли свеча?
Дышит ли сердце, набитое теплым свинцом?

Я осторожно взгляну ей в лицо,
там будет –
завтрашний день...

Поэт

Подайте на ноту, на рифму поэту,
Подайте грязи из тусклых кухонь,
Из кранов ржавых с водой тяжелой,
Подайте руку с рубином алым,
С бериллом майским, с хрустальным ветром
Фужер полночный, подайте слухов
С петлей на шею, с курком на взводе,
Подайте инея, глины и камня
В колодец слова,
В ручей охрипший,
Подайте травли алмаз граненный,
На рифму, на строчку, на ноту, на соло
Из нервных волокон небесного лада,
Подайте цветов с могильников ада,
И капельку рая, смочить корку горла,
И искорку рая, зажечь свечку взгляда,
Зажечь ночью звезды любовникам боли,
Прожечь поле смыслов на вспаханном сердце,
Подайте на грех святого проклятья,
Подайте на плоть любви бестелесной,
Подайте тепла из газовых камер,
Из млечной зимы, из постелей остывших,
На ноту, на песню, на нить Ариадны,
На пепел дыханья, на право быть лишним.

Экспрессио

О, вечнозеленое пьяное лето,
ты цветешь в моем сердце горячим рубином
закатной пасти дракона,
ты разносишь паучьи сети
пламенных вихрей задернутых штор
любовников мессалин.

Как в черной степи цыганского взгляда
я преломляюсь в крови
твоих рудников.
Ты носишь наряды
любви,
любви недостойной,
чтобы писать о ней здесь,
вот так,
без сумбура и страсти
грешных огней светлячков

на обнаженной
груди
мрака.

Медовой тоской обдают меня
твои ветра
у подножия серых бульваров,
немного вина – много вина,
немного огня – много свинца и огня
из револьвера, из жала
жажды,
дважды,
трижды,
до бесконечности,
дна,
до разлуки
с собственным словом
и делом.

О, вечноезеленое пьяное тело
летнего полдня,
вспомни меня,
когда будешь корчиться в волнах
коррозии
ливней осенних,
проседей
загребая
лучистую сыпь
маяков безразличья,
мы повернем с тобой время
вспять
на ножах,
на разбитых стеклах
матовых луж,
мы найдем с тобой повод
убить это время
с любовью
и нежностью норда.

Nei giorni feriali tranquilla*

Дождливый вечер на трехцветном горизонте,
в трехкомнатном пространстве, в трех шагах от сна,
на трех китах – табачный дым,
серотонин
и кофе.

Вид из окна,
снаружи –
мы коротаем время по углам.
Не в первый раз, в десятый, может в сотый
ты ждешь холодный поцелуй зимы,
и веришь в первый снег,
как в первую любовь.

Дела не так уж плохи,
когда нет повода для резких перемен,
и звездный дым
подстать табачным крохам

в развязке вен.
И стен
молчанье,
приливает в кровь
ноктюрном...

* - (итал.) тихие будни

Густая свежесть

Какая сочная прохлада стекает с твоих жил, воронка преддождливой плоти,
и как полощется на бледном цвете неба атмосфера опустевшего угла,
где разбрелись прицелы едких взглядов, где вымерли следы дневного пота,
где каждая струна расстроена, сымпровизирована в музыку крыла,

изорванного тенью студня-ветра. Какая сонная любовь колдует над ветвями,
и как стремительно сгущает краски тлен подброшенной листвы.
Стрекозы проводов набрали в рот воды,
в которой, каждый атом тишины алмазное вытачивает пламя.

На остановке, в вакууме слов, лишь шум дороги просится на сцену -
немую сцену, мраморный зрачок, вливающийся в серую простуду
на облачных надоях. Так наслаждение тоски скрипичный ливень будит,
так радуется небо вскрытой веной.

Ожог

Соленый ветер - душа, зовущая к морю -
шли восточку -
песню прибоя
разрывом сердца о скалы,
шли пенную, млечную
влагу,
и медно-серебряный дым
с вечернего мыса.

В пальмовых нимбах,
в сапфире прохлады,
в свечах кипарисов
живет твое эхо, звенят твои храмы,
лозы льются соки,

и я
за углом,
за бортом,
у огня
твоей южной звезды,
первый в очередь
на ожог,
на расстрел глубиной
горизонта.

Импровизация #3. Полночный вальс

Луна, отзовись приветливым льдом,
Сыграй на разбитых клавишах.

Мы вдвоем,
Слышишь, вдвоем,
И никто не мешает
Нашим сердцам
Биться декабрьским ветром.

Луна,
Взгляни на меня
С креста,
С черного пепла
Разбросанных волн
Неба ночного.

Мы вдвоем,
Слышишь, вдвоем
Прождем, прождем
Дорогу к закату
Из ядовитых цветов,
Из гранатовой пены,
На порванных струнах
Нашей любви,
В попутном огне
Темных аллей.

Тишина Sunrise

Купаясь в лучах восходящего солнца,
Забудь, что мы существуем,
Забудь обо всем, что важно,
Пока
С бокала зари
Не упадет
Последняя капля
Утренней влаги,
И ласковый сон
Травы
Не разрежут глаза
Пыльного полдня,
Пока шрам горизонта
Не стянет
Облако дня,
Пока сок
Скалистых ручьев-
бриллиантов
Не разбежится
Шумом
Дорожных полотен.

Леди Либерти и Тысячелетний прилив

Свобода – сердце поэзии, данное нам однажды, но позабытое –
мечта на руинах времени – солнечный холод осенней листвы –
я пытаюсь собрать ее опыт (как мозаику) – причину – страдание – вид
ее алых крыльев в рассветно-закатных стаях небесной любви –
что, также, есть слов океан, ведущий свои горизонты сквозь небытие
к открытию пасмурных звезд поздней осенней флейты.

Плакать в платье песка
и любить море,
насколько хватит соли и бриза;

слизывать тени аллея
подшвой осени зрелой;

тело кутать в стихи и стихии –
это значит любить до конца,
до весенней шизофрении.

Лилией выплывет солнца ладья,
чтобы пелось светлее
на слете воскресших.

Утешится тьма
океаническим дном.

За окном расплетутся деревья
и узелки на память.

Станет немного необходимей
жить, дышать, бежать,
курить, глотать, говорить,
писать, и много еще чего,
о чем стоит молчать,
перед плачем в складки-сливки песка,
насколько хватит соленого ветра.

Отметкой, зарубкой, занозой
остался, прорвался, разбился –
слезой бирюзы скатился по ветке
волны – притаился ракушкой-затворницей
с жемчужиной сердца на глубине.

В окне неба – тысячелетний прилив –
золотая жила, душа созерцателя птиц.

Не помню лиц – помню,
лишь всплеск улыбки на смуглом лице
продавца африканских масок –

властью, данной ему солнцем,
он объявляет меня
триллионным первопроходцем
любви.

Снежно-дождливой свечой

На горизонте осень, и у меня затишье,
Плесканье рыб в аквариуме снов,
Прохладное четверостишье
Зари, прохладный хор цветов
В соборе расцветающей кончины,
В потухшем лете, в тлении костров
У погребально-золотого алтаря.
И все сильнее и беспричинней
Медь ночи призывает, говоря:

"Туши свечу и пламеней бесчинством
Арктической надежды ноября"

А я, что я –
На горизонте осени
Растаю прахом песни, млечной точкой,
Уйду от всех, залягу в тишину,
Возьму для сердца хмеля колокольчик,
Да табаку от звезд слегка черпну.
И будут ночи,
Будет смерть огня.
Дождливо-снежной свечой
Воскреснет пламя...

mélodie

А вокруг – земляничная поляна...
А душа – расцветающий июль...
А вдали – багровеют небеса...
А в руке – пульс дождя, да шум травы...
Эхом пьяным
разгорелся птичий гул.
Чудеса –
только в сказке, мальчик мой,
только в сказке.

(только в сказке, да любви,
только так)

Свободные колебания

Сумятица и стон, и хлопанье в ладоши,
Как всплеск драконьих крыльев,
И наводнение солнц, и гроз стальных зубцы,
И дым из под колес, как адское дыханье,
И слезы пустырей, и запах жженных трав,
И черное венчанье, и белых облаков
Покорное молчанье, и леденцы проталин,
И лепестки костров у мертвых перекрестков,
И скомороший смех с молитвой у гортани,
И заводи камней, и мякоть злых песков,
И старые слова, и новые злословья,
И родниковый посох, и расстановка звезд,
И вечной мерзлоты смиренная любовь,
И бабочка души, залитая водой,
Водой из подворотни, водой слюды лесной,
И ящерицы рек, теряющие шлейф,
И я – больничной сыпью – я болен этой жизнью.

Фразировки

Небо широко дышало, полной грудью, в полный рост...

Маски кошмарных снов, не оставляющие меня, или я их – карнавальная топь прозренья-познания

Влажные губы приборя остановили сердце, чтобы стать им самим.

Лазурь играет на солнце, лазурь твоих ветреных мыслей, мудрец-мессалина.

Слепота, иллюзия ночи, трудно бороться со сном на расстоянии искры упавшей звезды, мертвой

Смотреть на тающую сигарету в дверном проеме "вчера".

Время на струйке обрыва споткнулось о слезы плоти.

Осенней скорбью одухотворен...

В болоте взгляда вязнет звезд роса, пустыня ночи неподвижна и смиренна, я ей знаком не по

Рубиново-желтая вязь осеннего вечера, как кровь огня, пролитая на глаза усталого странника

На вратах солнцеграда горит щит зари.

Не прикроешь листвой наготу своих мыслей, когда ветер спускается с гор.

Момент поэзии, полет степного орла над вечностью, искра души с костра преисподней.

Любовник осени

Нежное, как сам дьявол, восходящее солнце сентябрьских глаз
Моей любви, дрожащие пальцы ветра в перламутре ее волос,
Яблони губ, созревшие огненной плотью рассвета, ей сейчас
Особо нужна, жизненно необходима гроздь

Виноградного сердца, той, чье вино - созерцание
Бриллиантовой чаши в ожидании поцелуя дождя,
Той, чьи шаги - тень, глубина, фрески на куполе неба, отчаянье
Побороть в себе красоту...

Тонкий шарм

Тонкий шарм -
чуткий шрам
на земле от дождя,
от тумана осенних рассветов,
от вина золотого, лиан
проводов,
что хранят осенние тайны.
На границе
света и тени
ютится
листва в тонах прелого солнца.
Поздно,
поздно грустить о покинутом,
скинута
в воздух
роза осеннего пламени,
раненный
август
уже не жилец,
уже не наперсник
любви,
а, лишь память дорог.
Сердце ведет под венец
песня

северной мглы,
черно-хрустальный ветер,
льда золотого рог,
что звенит в облаках на рассвете,
и скорбит
великою силой надежды -
эти одежды
царских кровей,
все горит
несгораемым светом аллей,
тонким шармом
печали безбрежной.

В янтарно-вельветовом платье

Я теряю слова
в янтарно-вельветовом платье осенней бабочки,
я задыхаюсь сиреневым небом заката,
и шорох полноты листы наполняет окна
смехом и плачем,
злаками звезд и ватой
растленных любовью снов. Я потерял заботу

о завтрашнем дне,
когда руки твои пригласили меня
станцевать
вальс перелетных птиц,
когда в тишине
глаз,
ты предоставила право любить
моим губам, обветренным листьями

ночи, любить бесконечность влажного ветра
с заросших полей,
с измятых тропинок осеннего света.

Когда я отыскал в старом чулане
сердца
ветхие крылья рассвета
влюбленной луны
над нами,
в окне,
я потерял слова,
в надежде сказать больше, чем мы
казались сами себе.

Ты убила меня на рассвете. Признание

Ты убила меня на рассвете,
В серебре осенних туманов,
В листопаде дорожного пепла,
В пробужденье кофейного взгляда
На согретой луной постели,
На дыханье ночных занавесок.
Ты любила меня на рассвете,
Когда солнце кровавой фреской
Расписало лицо и руки,
Эти руки убийственно-нежно,

Как весна, как весны подснежник,
Ниспадали на сердца сухость.
Ты убила меня, этот ветер
Ядовито-пустынной печали,
Мне осеннее солнце светит,
Золотой короной венчая.
Ты убила меня случайно,
Сном росы, цветением лилий,
Перламутром в агатовой пыли
Осыпая нагое молчанье.
Я разбился в запахах, в мотив
Твоего предрассветного плена,
Я для прошлого мертв, я жив
Настоящим звезды осенней.
Я в распахнутом дне-окне
Наблюдаю янтарь-приметы,
Ты пришла рассветом ко мне,
Ты любила меня для рассвета.

légende*

зачерпни прохлады сосен
что дымятся синью
на полях
словно саван
укрывая вечный сон
созерцанья

здесь любовь
зари рубином
над полями
вьет гнездо

здесь влюблен
здесь переплавлен
каждый куст
клочок земли
в дуновение малинового веста

здесь окрестности
прокурены дождем
что душою в родниках берет начало
облаков печалью
светлой
подпоясаны в нежнейшую тоску

набери прохлады чайной
в свое сердце
тьень в лесу
тебя проводит
наугад
до развилки песен млечных
звздопада

* - (фран.) легенда

Осень. Дождь. Окно

Осенний склеп.
Болезненно-дождливо.
Вода съедает солнечную пыль
и жалит окна дробью влаги серой.
Деревья выбиваются из сил
в неугомонных оплеухах ветра,
разбойного осеннего припева,
холодного узла на шее неба.
И пустота заметно
ширится в пространстве,
душой бесцветной тает
в легких, на глазах,
ладонях,
и пустота в ручьях змеиных тонет,
и отражается на маске
злых фасадов
нотую прощанья.
Кристаллизуется сонливая метель,
что дует из щелей
и подворотен
соломенных картин.
Осенний склеп.
Болезненно-дождливое молчанье
у окна, где дым
воды застил ознобом лето.

Талое золото

Кровью кленов горит земля,
пеплом дождей умытая,
изъеденная, отравленная.
По чешуе аллеи скользит
стон золотого тления,
талое золото осени.
Раной глубокой разлито
небо слепое, пьяное,
ветренное.
Спит
на карнизе память
о солнечном меде.
Роем пчелиным носятся
тучи косматые,
жирные от
слезоточивых струн.
Еще несколько лун
и тревога
уйдет, покинет
мой храм-подвал,
ее сменит длинная,
длинная ночь
с осколком Полярной звезды
в кошачьем зрачке,
ее сменит хорал
сквозняков на застывших губах
свечи.

Талое золото #2. Флер

кружева табачного дыма и кофейный сумрак осеннего утра
на часах – сентябрьский ливень
на глазах могильное солнце
в плешь бульваров туманы распутал
кистью сырости ветреной воздух
воздух первых лучей с погоста
неустойчивого горизонта

промокнув влагой окон сонный взгляд рассвета плетутся будни
собираются в стаи волчьи
окрыляются жаждой льда
за душой кленовое пламя
впереди – золотое блюдо
на котором лимон листопада
отдает кислинкой дождя

кружева табачного дыма и кофейный сумрак осеннего утра
замешавшись в запахах соломы
льются прелым осенним туманом
за скрипучим засовом ночи
я найду золотое блюдо
на котором танцует танго
тропка бледная лунной свечи

Храни тишину своих слез

Осень сняла кожуру изумрудного яблока августа.
Безмолвствуй, храни тишину в туманном шафране
влажной воздушной шали,
храни тишину своих слез.
Расплывчатым взглядом пьяницы

лезут под ноги лужи,
лезут за шиворот
сквозняки.
Встретимся у реки,
у белоснежной, лилейной реки
за лугом из желтых букетов памяти.

Солнца кратер запружен
водой, мякотью
лиственной гнили.
Топка остывших созвездий тянет
в логово снов без сновидений.
Спасает
малиновый чай и шахматный плед.

Мгновение –
это то, что мы потеряли,
сейчас,
в талых лучах листопада,
сейчас,
в заметках незримой любви
на обрывках вчерашних газет.

Писать твой портрет углем

писать твой портрет углем

самой глубокой ночи –
моя наука терпенья –

когда на каемку сердца
стекается лунный воск
когда набухают почки
северных звезд и вместе
сердце и звезды – пламя
твоей бессмертной весны

писать твой портрет словами –
под силу лишь песням
птиц
под силу лишь эху
гор
под силу лишь свету
тьмы
самой глубокой ночи

Земляника

Ты проснулась,
Земляника-роса коснулась
Твоих губ,
И раскисшее осенью облако света
Село на край постели.
Переплетением рук
Из пряжи янтарной
Ветви играют в окнах рассвета,
Но мертвая хватка расстрельной метели
Зимней палитры
Уже понемногу болит
За углом.
Твой дом,
Наводненный фантомами сна,
Мне говорит,
Даже в самый смертельный холод,
Даже когда,
Движение нестерпимо,
О последнем, как первом, вздохе любви
На отрезке пьяного золота.
Глянец рассвета в луже окна.
Сонная пантомима
Ветвей.
Ты пробудилась,
Юной фиалкой искрились
Глаза,
И ястребиным криком зефиров
Разбились
Ставни
Спальни
Твоей.
Как мило
И больно бросать тебя здесь,
До колокольчиков вечера,
До отвесной,
Фривольной
Вечерней зари наших сердец,
Погруженных в раскаты тепла,

Встречей
Ночного зноя...

Сутта

Проснись! Проснись! Что ты дремлешь?
Какой сон у сведенных отравой страданья,
меланхолией ветоши
зимней дороги, преданием
вьюги ночной!
Проснись! Учись жизненной силе, сведущей мир,
чтобы смерти скупой венценосец
не использовал эту тоску,
не обольстил.
Победи желание,
узел людей и богов, жажду-звезду,
обжигающую
могильным лучом.
Не теряй
твердого счета
минут.
Бдительность и размышление
вырвут стрелу
с ядом аспида беспечности,
бдительность и размышление
приведут
к высоко поднявшему факел, зажженный
от лунного света уединенья,
от листьев
осеннего уединения.
Баста. Финал. Бесконечность.
Пустота в пустоте – вдохновенье.
Будда склонился над трупом моих мыслей.

Докурю полдень

Докурю полдень. Выпью вечер. Нарисую ночь.
Утра источник
вдохну сандалом и медом твоих волос.
Дымом осенних роз
солнце заправит постель.
Сонная тень
занавесок
растает раскуренным полднем.
Я буду помнить
каждый глоток
присутствия
в сутках
осени ранней,
раненой
сталью дождей и влагой любви
ключевой.
Воздух вечерний. Шепот ночной.
Утра огни
в туманном золоте твоих волос
скользнут прохладой речной.
Струны настроит
ветер осенний,

и понесет
опять
сердца хрустальную проповедь
к западу,
к тающему горизонту,
к звездам
нежного полдня.

Фромат

Te quiero, te quiero* -
молилась луна
в фиолетовых сливках неба.
Te quiero, te quiero -
ветер носился
в сладости смоли ночной химеры.
Te quiero, te quiero...
Испанских ресниц лучи,
словно заката веер.
В руки огнем просились
цветы
с летних пожаров лугов.
Te quiero, te quiero -
это
ищет
трещину,
это ищет любовь свою
птица в моем сердце,
вдыхая млечную сажу
созвездия Лиры,
не зная не время, не места,
когда задохнется музыкой вновь,
ладаном музыки с плеч
андалузской грешницы.

* - (исп.) я люблю тебя

Багрянец (Blues)

Дух осени -
расстрелянная ласточка -
ожог фантомной боли.
Крадется сердце проседью
в багрянце рощ,
и колосится в поле
ливней урожай.
В осипшем горле
водостоков -
гниль пряности
и холодок угрюмый.

А мне - не жаль,
мне пить до дна
микстуру
свинцовой крови
рек
в туманной жабе
солнца,

да у окна
срисовывать закат.

А я, не прочь,
колоться льдом поутру,
и перламутром
лиственной волны
гнать тень в глухую ночь,
во взор совы
бросать крыло нагое,
свинцовой кровью рек
смывать следы
растрат.

А я, точь-в-точь,
как неба влажный лепет
сквозь дымчатый рассвет,
лесов карминный пар,
дрожащий зверь-
октябрь -
завет
в слепую ночь,
пристанище потерь.

Blues #2

Зари холодный пот с души-прохлады.
В ореховой скорлупке мозга
цветет сентябрьская роза,
как переносенное чадо.
И будет осень, будут кости,
и прах, и пепел, хлеб на них,
словно с немых полотен Босха
сошел зловеще-вещий крик.

Как ты оброс желтушной плотью
простудный сон-сентябрь.
Изношенное тело
безлюдных скверов,
и тишина внутри,
в ней пасмурная степь
дымится мелом
утренних туманов.

И нам с тобой гореть
на перепутье
листопадов-
ливней,
на горизонтах, что могильная ограда,
в железных лапах
неба из стекла.
Твой взгляд - мой взгляд -
прямая линия -
и между ними
лилии
пустынных звезд,
любви осенней фатум.

Диапазон Silence* (Blues #3)

Кто сердцем ночь постиг

И кто надеялся напрасно столько раз -

Свободен от надежды.

Фернандо Пессоа

Все, что мне нужно

этой ночью -

фонарных язв

и луж

сочувственный оклик,

мокрых окон

почерк

смуглянкой-росой,

да небеса

в клочья побитые

звездами.

Свет в плафоне горит

кислым лимоном

осени.

Все, что мне нужно - немое

пространство,

кофейная гуща и слезы

густых благовоний

под потолком.

Сердце проронит

музыки тонкую струйку,

и дом

наполнится тяжестью

пьяной сирени.

Пусть все окажется -

ненавящево-

свято

(вовне и во мне),

пусть все привидится

смертью во сне,

и пусть

привяжется

боль вдохновенья...

* - (англ.) - безмолвие

Лаборатория

душа осенняя -

вольфрамовая нить

в перегоревшей лампе взгляда

медвяный сумрак

низменных страстей

открыл мне высоту моих падений -

так научился боли и полету

липким воском

на ресницах

сон рассвета

сон осенний –
моя смерть

столкнувшись
сам с собой
был удивлен открытию

живительная влага
вин лучезарных autumns*
и ты здесь
мое сердце –
бокал хрустальных слез

* – (англ.) осени

Охра (Blues #4)

Озноб пустоты
и кричащий дым сигареты.
Убитое лето
и трупный запах листвы.
Разбрызганный кофе
ночного остывшего неба.
Зализанный, бледный
поск окон и грохот
костлявых ветвей.
Нерв огней фонарей –
электрический яд.
Полярные боги
овчиной туманов
кутят
по разбитым дорогам.
По венам воздушным
в удушливом
цвете охры
шепчу –
неплохо
для дьявольских козней
искуса ветра.
Час поздний –
день спетый –
луна льется рогом
кремнистого изобилия.
Я в парус тряпичный
глаз ласковых кутаюсь.
Прибрежье
штормит от спирта и сна.
Бессилие –
это пропасть надежды.
Et punctus.*

* – (лат.) и точка

Пастель

Виолончель садов осенних,

мышьяк заплат дорожных,
и не искать уже спасенья,
и паутина неба тлеет
кленовым сном заката.
А ты молчишь, так осторожно,
так чисто и прозрачно,
окутав в чувственную мяту
дрожащий бархат губ,
что грубый ветер, ветер-плут
под ноги стелет листья,
как шелковые кисти,
как облако объятий
в сиянии воздушном
болотно-синих сосен.
Железные качели
осеннего течения
скрипят от ласки солнца -
все для тебя -
тебе послушны
и легки.
Играют тени бал.
Холодный берег, всплеск реки -
и нас целует осень,
и мы так далеки
от декабря-дракона,
от погребальной службы
белым льдам...

Ткань дождя. Баллада #3

Когда закончатся слезы дождя,
и прорвется черное солнце осени,
когда нас оденет сладкий туман октября
в догорающих утренних звездах,
и смертельная скука листья
заполнит глаза неба,
скажи мне, что мы
живем, скажи мне, что мы умеем
любить, как солнце любит луну.
Когда разольются аллеи светом
бордо, и мы выйдем к ручью
молчанья, напившись соснового ветра,
скажи мне, что мы не зря
любили бродить босиком по стеклянной росе
тайных желаний. Сладкий туман октября
под одеждой вновь соберется в жемчуг.
Вспомни меня во сне,
когда будешь срывать снежный блеск
с ткани дождя...

Люминесценция

Затмение окон
в фиолетово-снежном облаке.
Ломит кости.
Седая туманность в глазах кошки.
К дождю.
Воздух просвечен золотом

с болотным оттенком.
Березовой крошкой
зимы
дышит в затылок ветер.
Люблю
Тебя
люминесценция мертвенных снов,
пепел-дымок холодных цветов,
металлик предлунной дороги,
зазеркалие луж и анкет
безымянных легенды.
Люблю,
когда к дождю,
когда бледное
в моде,
когда в сердце пьяно-кленовом,
растущим закатом слабого солнца,
бьется
огонь ледников.

phantom отчуждения

твоя бледная кожа,
ночи январской осколок в глазах,
твои дрожащие губы,
их иней, их привкус сонного мака,
и ветер лаванды, выжидая в волосах
терновым венцом...

твои надежды и страхи,
твое лицо,
сохранившее парков тенистую слабость,
свежесть и одиночество -
белая оспа дорог
занесла...

в сердце закралась
точка
не возвращения -

тонкой корочкой льда запечатана,
марками тусклых звезд проклеена,
отправлена
с метелью рассвета...

Ты не заметишь,
как быстро умрут эти праздники,
расплетутся
бутафорские
узоры цветных карнавалов,
и останется,
только привкус отчаянья
капель полыни серого утра.
Зачем же ты ждешь,
зачем ты обманываешь себя,
зачем обнадеживаешься

духом свежести?
Печальная радость
вчерашних осадков
не даст спокойно заснуть.
Все тот же грохот трамваев
пройдет по окнам
волной скупых пересудов.
Моя любовь
останется
в глухих облаках зимнего сна,
на ржавых лопастях
зимнего солнцестояния,
промерзлая
и прекрасная
в прикосновении
безлюдных
вечерних скверов,
на расстоянии
одного толчка
в пропасть февральских садов...

Перспектива

Слышишь, ни звука.
Луна, как заплывшая жиром шлюха,
отдается сирени ночи, воздуху спален.
Видишь, смоль прорастает
пьяным бродягой по переулкам пустыни,
сахаром тает, лает
шавкой на привязи звезд.
Ветер дамасский клинок приставит
к горлу и резанет, резонирует с грустью
мостов. Слышишь – ни звука – мороз
по коже – страхи, стихи, тени –
и что-то в груди пульсирует жалом розы...

Набросать ночной октябрь (нуар)

С тонкой проволоки пальцев,
с льда искусанных ногтей,
с вен, набухших ядом вьюги
теплоты частицы смотрят,
улыбаются, смеются,
разбиваются стеклом.
Под ногтями грязь асфальта,
дым желтушный в легких водит
хороводы кашля, влаги,
взгляд в туман ползет кротом.
И картонные коробки
магазинов шлют открытки
в черно-белую ватагу
глаз, спешащих выпить чай,
просушить больные кости,
завалится в сон, отлитый
из приглушенной печали,
из парного молока
забытья, из незабудок
сиротливых звезд погоста

городского небосвода,
непогоды городской.
Многомерная любовь
в одуванчиках перин,
ветер обольет виски
темной краской рук холодных.
Набросать ночной октябрь,
и опять грести, скрестись
в шрамах чисел, в горсти слов
скальпелем тупым и нежным.
Горделивая Венера,
твою плоть, твои страницы,
расписали блудным стуком
шпильки мотыльков ночных,
впавших в шорох мокрых листьев.
Обвести – душа вокруг
октябрем ночным клубится,
под свирели сквозняков
пляшут петли, как удавки,
шаркает подвальный дух,
сводит скрипом пресным лавки
от наплыва пустоты,
и невидимой тоскою
собирают прах по урнам
время, ветер и частицы
теплоты с холодных рук...

Чаровница

Черная чаровница с хрустальной душой ручья,
мимолетная бестия летнего ветра
в декорациях сентября,
невеста на алтаре из дождливого света

и сумрачных облачных стай
над кумачово-желтым кортежем
обочин. Ландышем тает
озябшая свежесть

нашей летучей встречи, нашей воздушной прелюдии
в паущем бархате полупрямых рассвета.
Голос осенней поэзии будет
нашим проводником до момента

обрыва на линии глаз,
сверкнувших солнечным зайчиком грез.
Малиновой дымкой обдаст
шепот невидимый губ, и затаивший дыханье вопрос –

до завтра? – повиснет на сердце теплым эфиром.
Черная чаровница с хрустальной душой ручья,
пламенем окон, деревьев, домов обнаженная весть,
найденная рассветом,
моя и ничья,

перышка утренний взмах
у плеча,
в потоке машин,
на интимной ноте негласно–

взаимных сердец.

Жди, девочка (Нежней мадонны Рафаэля...)

Нежней мадонны Рафаэля,
кровоподтеков юных зорь
и ласковой воды апреля
ее холодный взгляд сквозь боль
ночной души. К ней бархат сходит
под ноги, и вина нектар
пьянящей каплей в ней находит
свое подобие и дар.
В ней растворяется любовь,
она – всегда наедине,
под звезд фатой, в свеченье снов
принадлежит сама себе.
В ней блеск, точенный под алмаз,
в ней созерцанья сладкий дым,
сквозь боль душевной ночи глаз
ей плачь теплей и горечь зим.
Боготворя стон тишины,
и рваный, острый нерв метели,
железный скрип объятий тьмы,
нежней мадонны Рафаэля,
все отрекается, любя,
все ненавидит, и страдает,
она еще, еще дитя,
она еще, еще не с ним,
она еще себя не знает...

Слезы рябины

Слезы рябины в окне.
Мышью летучей плавают взгляд по стеклу.
Потенциальной энергией снов
хлябь небосвода схоронена заживо.
Сырость обоев сроднилась с дождем.
Шелк паутины в углу
ловит хорал сквозняков
многоэтажных.
Эхо, промокшее эхо, упало в прихожей,
эхо солнечной браги.
В зеркало, в тусклое зеркало
смотрит туман дверного глазка.
Вселенная расширяется дрожью,
сужается до размера огня
в камине. Вектор,
сломанных ветром цветов, нарисовал на песке
прибой.
Дневник подытожив
осенний,
точкой заката, кляксой рябиновых слез,
мертвенный пульс в виске,
осторожно,
нащупал плечо тишины
в теплой ткани халата.
Проникнув во взгляд,
слезы рябины

воспламенятся ядом
осени, тлением мертвенных звезд,
населявших поэзию мира
миллионы эпох назад...

Ночигарь

Восходит ночь.
Лежу в траве, отравленной свинцом луны,
и слушаю реки седую повесть.
Виски осыпав млеком звездопада,
и прикасаясь к пустоте вселенной
покрытой инеем щекой,
срываю голос об молчанье сердца.
И мне доступен ветер этих мест,
и теплое дыхание в груди
ночной пустыни.
Объятья неба, шерстяная смоль,
укравшие цветок святой с ладоней
новорожденной тающей весны,
все прозрачней, прозрачней и тесней.
Горит огонь вдали –
то странника светляк.
Ночь будет длинной,
смерть короткой и проворной.

Отголоски

Я чувствую, как декабрь под лопатками хлопает крыльями,
хлопает носом, разбредается темными ульями, кровью подвальной,
наростами льда и снега на скатах крыш, убаюканных ветром полуночи,
пробивает насквозь дыхание.
И ты стоишь посредине нагого пространства, агнец невинный,
кольнешься прутиком вербы, каменистая вена реки
целует твои глаза, внимающие какофонии сумрачных
грез. Тебе ли бояться белого пламени декабря,
когда след твой – южная песня чаек, зеленые ставни
кедровых аллей и роскошь жемчужного дна океана;
когда шелк твоих слов – прелюдия ленного солнцестояния; твои дела –
видимость первых лучей зари; твоя дорога – нить Ариадны,
золотистая струйка солнца с теплых окраин апрельской звезды.
Я чувствую, как декабрь шлифует вьюгой ножи,
вяжет проблески едких стрел, готовясь к войне
с любовью парков, защищенных, лишь невесомой слезой рассвета
с глаз твоего вещего утра...

Фиолетовый саван

Палящая фиолетовым саваном
звездная ночь над полем,
орошенном кровью молочных сердец,
где растерзанной плотью, земле,
приносила жертву
война,
от которой кормился стервятник
с царских подмостков –
помнишь ли ты

облако слез
матери,
превратившееся в цветы
на могиле безвестного рядового –
увидишь ли за горизонтом
угольных, опустошенных глаз,
как еще одни окна воскурят
свечой погребальной
свое одиночество.

Стена

Глянец за темными стеклами автомобиля,
с биркой-клеймом, почти, как на трупе –
"высокопоставленный", будто самим Господом Богом,
(а может, оно и так, образчик иронии черной)
столь ненасытно алчет казаться себе кукловодом,
и дергать за ниточки этих никчемных,
бедных простых смертных,
сам издерганный, скрученный
страхом нетленным потерь,
потерь высоты, пиетета трибун и себя.
Ты прости ему, дикому,
заблужденье его золотых сундуков,
каменных идолов
с пряным душком, идущего по головам,
его забытое в спешке сердце,
набитое химией определенных кругов,
его тронные залы, особы, погоны
погонными метрами,
когда-то и он был человеком
широкой души, с нежным млеком
у рта, беспомощно и безвозмездно,
зовущим из люльки тепло материнских ладоней...

Эолийский лад

Младенец, кормящийся кровью
октябрьского листопада.
Евангелие от осени,
прочитанное
у стены янтарного плача.
Дождь скопил в гортани прозрачной
сказки тысячи и одной ночи.
Обещанная награда
за голову солнца –
белый ветер камнем на шею.
Ищи же скрижали завета
гуталиновых облачных рек,
простреливших небесную толчу,
в них туман отпечатков пальцев Венеры,
возлюбившей луну
в бреду насилия ночи.
Обреченная дымом листвы,
драгоценная медь заката,
как многие тысячи лет
одиночества,
как билет

в одном направлении.
Филигранное увядание
изумрудом в осеннем колье.
Орфеика эолийского лада
в тишине многоточия.

Метроном

То ласковый, то грубый
дождь,
и винный цвет листвы
усталым фоном...

Не ждать, но верить,
разбиться в щепки,
чтобы быть полнее
от любви...

И осудить печаль, и разложить вишневый
обугленный закатом горизонт,
из рук ежовых выпустив голубку...

Не спать, но видеть сон
в твоих глазах,
поснящихся росой
нагого утра...

Вот даль шумит, вот ветер в камышах,
вот солнца мак
скользнет с лица улыбкой,
вот мраморной волной
вдохнет небесный край,
так, что рукой подать до глубины...

Черновики листопада

октябрь,
изливающий семя пустыни,
тупик
серого неба асфальта...

воскресный вечер,
опохмеляющий коньяком
осеннего заката...

поэзия, поэзия –
дать прикоснуться к своей душе...

выжженные черным песком
глаза ночи,
освещающие бездорожье сна –
точка инициации внутреннего художника...

очарование холода,
вскрытое случайным прикосновением...

однообразно глотаю
сырой туман окон,

кашель дождя,
пробивающий бронзу луж...

Черновики листопада. Акт второй

отброшенная осенью тень –
прекрасный отшельник, играющий с ветром
в лучах пожелтевшей листвы...

ужин воображения
из надкусанного фрагмента
облачного пирога
на скатерти заходящего неба...

ловля, крупными памяти, летних дождей
под ногтями обочин тепла,
где соломой-травой горчит дыханье земли...

в море стеклянных зрачков –
шепот минут
движением звезд над ледниками крыш...

череда состояний,
частицы живой, тонкотелой души,
разошедшейся на лоскуты
желтых дорог –
судьба, назначение, жизнь, любовь, слова,
способность читать сны...

эфир табачного тления,
легкость падения в многомерность
импровизацией джазовой сессии...

ореол одиночества
на маслянистом пейзаже за дверью,
ведущий из дома в дом,
где хранятся убежища
мертвых предметов, вещей, погоды и грез...

По ходу движения воды

глухота парового котла остановок,
изумрудно-влажная водоросль скидок
с фасадов торговых центров,
глазницы моллюсков из раковин офисных бань...
а я, люблю слушать стихи (мне некогда плакать),
глядеть под юбки бабочек-звезд,
на жидкий кристалл утомленной сонетом луны,
благословлять облака и герань на столе...
керамика ртов,
жующих вчерашнюю партию в покер,
на горле сухом
засаленный галстук магических формул счастья...
что мне спросить, чтобы стало теплее?
веща моя бабушка,
молчунья, лесная душа,
совсем растеряла петельки и спицы,
видно, пьяница внук, April*,

ангельским хмелем и ветерком
давно не проводывал твои задворки –
не опоздать бы, последний автобус сегодня, всегда, здесь,
когда опустеют все расписания...

* – (англ.) апрель

Лихорадка Yellow

Протрезвеет утренней прохладой
сажа полуночного костра.
Осень, осень –
талым шоколадом
солнце,
прелый воздух в снах-корзинах,
дождь дробится оземь,
проседь горизонта,
лихорадка
и туман в крови.
На ботинки прыгнет листопадом
желтый вальс,
озябший дух огня.
Небо коррозионной маской сшито,
по следам-слезам
слепым лучом веди
октября развод бездонно-лунный,
что на окнах влажных,
где всегда,
пульс застенчив,
взгляд тускней земли,
красноречьем дышат ветра крики,
и любовь – воды июльской жажда,
и постель – застывший сад любви...

2 вариант

Трезвеет утро серебром росы.
Огонь полночной сажи в легких.
Осенний свет –
смоль негатива.
Поплывшим шоколадом
матовый рассвет.
Сопревший воздух грез.
Крошится дождь за ветку горизонта.
Нервическая тень в подкорках глаз.
Подшвы залипают желтым танго
озябших листопадов.
Коррозия небес,
колодцы слез пустых,
слепое направление луча
в разметку крыш
бездонно-лунных.
От молчаливых окон –
робкий пульс,
землистый взгляд.
Не в ноты ветру биться,
любви бродить июльской жаждой,
садами снежных роз.

Мед с молоком (miniature)

Как снег в ладонях тает солнце,
и обнаженное тепло
струится в спальню.
Глазок Сатурна, оловянно-травяной,
дым маяка на лоджию отбросит.
Органом заиграют
страницы черной тишины.
Мед с молоком – бессонница твоя –
тебе не спится от тепла свечи,
танцующей моим дыханьем.
Под потолком
всплывают звезды океаном.
Лазурных сосен обволакивает свежесть.
(И пусть, все, только мнится)
Мы, как лесные птицы –
одиноким и прекрасным.
Здесь для всего – любовь,
все властью ночи выжжено на сердце,
которое сгорит в одно мгновение
эфирным замком.
Не таи печаль, слезой луны утешься.
Рассветной тенью феникса вспорхнуть,
под звон осенних струн –
записано на рунах узелков ладони.
Мед с молоком по ветру простыней –
читаешь ты, оглядываясь нежно.

Миниатюра #2

Томатной лодкой в облачном прибое закатный вестник.
Мне интересен
смысл небытия и акварели старой на стене
письмо-мираж из прошлой жизни,
молчанье женских глаз в окне
из листьев и дождя,
крылатые капризы
непогоды. Мне интересен
код твоей улыбки,
с которой сплю в одной постели,
ем, дышу, брожу
между витрин отвесных,
ритм музейный
фотографий на столе,
вечерний колокольчик кухонной посуды.
Слова уходят, возвращаются, тускнеют,
цепляют жемчуг новой глубины,
а мы с тобой – всего лишь, в спешке, люди,
любить и плакать, как умеем,
прежде,
наперед...
А нам с тобой – томатной лодки плеск вдали
расскажет о причале
и надежде.

Кобальт

Ветер зари, прорывая кобальтовые занавески раннего неба,
повеял холодным каменистым берегом северной Атлантики.
Мне следовать за тобой, печальная чайка над чешуей чугунной волны.
Спящие в пустынном тумане холмы отзовутся суровым эхом любви.
Мантия засохшей травы спадет с плечистых просторов нордических глаз.
Битым стеклом брызг ранит сердце, вороном старым сгнездится заря
в его запутанных кронах, дождь нервной львицей подсядет
к разбросанным камням, его револьвер перезаряжен
свинцом аккордовых туч, и деревья заговорят
на языке осеннего яда, ступая по глиняным черепкам
разбитого флота под флагом цветного тепла.
Снежная соль, оспа из мертвых лилий, проступая на коже
вдохнет в нее старую тьму древнего океана.
Ветер зари, вскрывая грудную клетку эфирным ножом,
повеет листвой детских воспоминаний.
Я слежу за зыбкой точкой на горизонте, за парусом
уходящего навсегда фрегата времени,
махая ему керосиновой лампой летних минут,
посыпая золой с вуали холмов голову солнца.

Распахнутые двери приглашали парус на рассвете*

Хрупкий, песочный тростник, считывающий соломенным лезвием
движенья воды, переливы пурпурно-синего ветра,
слушающий, как гипсовый полумесяц черпает из худосочной реки,
изрешеченной звездами, винно-серебристый ликер, бальзам ночного аптекаря,
веной души во мне, в человеке с забинтованным сердцем, с бездной
вопросов к псалтырю в кармане на голое тело, со взглядом зеркальной рыбы
в изогнутой угольной арке радуги ночи; во мне –
несет в этот мир, своим шерстяным гулом, кружева отражений сакрально-живого,
поэзию пятнистых, болотистых строф, туманные башенки с огоньками слов
на скалах вселенской тоски обреченной плоти;
во мне – дает клятву земле, заправленную кострами лета и духами осени,
корнями весенних садов и цветами зимы; на коралле солнца, на саранче облаков
ржавым закатом увидел свою участь, увидел, дает клятву всему живому –
жить забитым гвоздем на стыке страдания и восхищенья.

* – название взято из стихотворения Дерека Уолкотта

На ощупь

Полынь рта, снег волос, ветер пальцев,
заплаканные солнцем глаза младенца, пустыня глаз мудреца.
В скупой, дребезжащей серостью осенней системе координат,
наскребаю сведенную сталь струны в окне уходящего поезда света.
Кричащие кошки, где-то рядом, их металлического скрипа когтей
ищет глиняная дощечка души.
Стреляю метафизической скукой волхва в каменное сердце ноября,
в вырванные волосы светила, в слепоту небесного ока,
в охрипшие связи ворон на проводах ветра.
В невзрачном небе – ускользающие видения звездочетов,
потеря словесности, раздробленный алкоголем скелет завтра.
Кипящий кофе с капелькой коньяка, крепкие сигареты,
обнаженная кожа сонной натурщицы, ароматы остывшего моря –
продолжаю смотреть из подполья осеннего ветра
на бесконечность его проявлений.
Каменистые улочки Праги, сырые подвалы Питера,

пот виноградников Юга – я люблю путешествовать в памяти,
оставаясь сумрачной точкой на голой бетонной стене с выцветшей картой.
Гипсовая скульптура мыслей, разбитая о камни
всеразъясняющих монографий чужого опыта
(на выходе, все равно – ты и твое одиночество).
Катарсический плач в разорванную рубаху тополей,
на плече всеядного ветра, благословление с языков ледяного дождя –
последние утешение, ярость смирения.
Просто, остановившись, отбросив все постороннее,
проникнуть в сердце музыки.
Случайно выуженная из пустого пространства гармония,
красота момента, расплывшегося вечной дорогой.
В кривых зеркалах конвейерных улиц
живет, тайным безумием, тень художника,
живут сбывшееся грезы, по неотступному движению внутреннего зренья
сквозь боль, ненависть, разлуку, любовь и еще раз любовь,
сцена, скудного на разговоры вечера, оставляющего ей еще один шанс.
Лавинообразная масса мозга, стилизованная под черный бархат,
где –
забытая смерть в игре наперегонки,
const закона непредсказуемости,
деградация, как ступень эволюции,
не существующий порядок вне хауса,
цели, теряющие блеск воплощения,
священное писание ночи на ступенях одиночества,
последкусие костра, глухое устье ожогов воды от плавников звезд,
черствеющий смог луны, обливший желчью нежный цветок
ночной мостовой, где ютятся клерки и проститутки,
сердце, разлитое лунной кровью на могиле осенних цветов,
проклинающее спасенье свинцового воздуха
на влажных ресницах рассвета.
Призывающая любовь, Сапфо, перевернет дыханьем
крылатые страницы души в прострации пробуждения.
Разъедающая теплота приветствия бродячего волка зари.
Утро. Хорошее время для медитации. Хорошее время, чтоб умереть.
Аминь.

Классико

Я в кругу уютном сяду
Твоих ласк, твоих минут,
В смоли глаз приняв награду,
В розовой аскезе губ
Зачерпнув дыханья дымку
Из малиновых садов,
Что закатную кибитку
Провожают сном цветов.
Я замечу, между делом,
Тишину смягчив вином,
Как морской волной повеял
Голос сердца твоего,
Как звездой в короне ночи
Ты задела шлейф луны,
Как безмолвье многоточий,
Что в глазах свечи видны,
Ты поэзией смутила
Своих хрупких, нежных рук.
Полночь ласточкой забилась,
Тени собрались вокруг,

Принося дары немые
К алтарю твоей любви –
Лепестки холодных лилий,
Запах скошенной травы.
Ночь присела в окнах рядом,
У нее тебя украл,
Вымолил твою прохладу
У озерных глаз зеркал.
Дождь взглянул с балкона строчкой,
В волосах твоих скользнул,
Нотой звездной скрипки ночи
Ты вспорхнула между струн.
И опять вечерней ватой
Свет багряный, свет надежд.
Розы на твоём закате,
Тишины бездонной брешь.
Из хмельного сада ветра,
Одиночеством скорбя,
Словно сердце в сталь зашив,
Потекут ручьи рассвета,
Будут ждать тысячелетья
Жемчуг всех доступных рифм.

Лаунж

собирая губкой легких
лоскутный прилив,
лишаешься права забыть эту песню
(ты, как море)

раух-топаз заходящего солнца,
купающийся в фиолетовом пекле воды
(поцелуй ангела)

белизна мехов песка
в сиянии волн
(наши первые слова)

Свинг-таун

Экзальтация звезд на ветру,
виолончель улыбки луны
с бутона ночного цветка,
в стрекозах фонарных венков
мошकारа дневной пыли,
оседающая
в сырость костей новостроек.
Я сплю на коленях проспектов,
как апостол
самой древней и долгой ночи,
вырезая морщины газонов
лезвием испепеленных зрачков,
я проповедаю нежные камни
жертвенников,
и застывшую кровь зимних садов,
чтобы быть, хоть на градус честней,
чтоб обмануть вечнозеленую смерть,
хвоей провисшую

со ствола призраков времени.

Отравленный саунд

Механически-разрушительно обновляя гигабайты дерьма
в пыльно-свинцовом черепе, распотрошенном мышиною возней,
завидуя первобытной чистоте обезьян,
лечу болезнь – наличие тела – парами медного виски
с крепкой табачной росой, периодически разбавляя стихами
(любовь к жизни)

Разбрызганная вода сознания находит и принимает
все новые формы, вливается в чашу осенней психоделии
(иду на поклон к интимно-краткому,
просвещенному моменту безумия,
засыпая бризом возлюбленных глаз)

Любовь, добровольное истязание ее прозрачной плоти,
с претензиями на святость
(моя любовь)

Мне встречаются спутницы Бахуса, в окровавленных от вина,
уносящихся в ночь облаках,
говорящие на языке змеиного тела;
их сияющая, словно доспехи Марса, кожа
отражает всю красоту греха
(только видения)

Осенний парк предсмертной судорогой
на границе раздела двух сред
впивается в лунное небо
(моя душа)

В неподвижной пластике окон нежится
скользкий ящер аутичного солнца
(растаявшая свеча)

Похороненная заживо мельница листопада
в беззубом лепете предзимнего фосфорного рта,
обслуживавшего землистые островки обочин
голодными стаями голубей
(нацарапанные, первым снегом, души)

Отравленный саунд пустоты на ржавых петлях дворовых качелей
под соломенным облаком
(дорога осенней вечности)

Закат, перерезающий горло дубовой жилистой шеи осеннего дня,
ломающий изящные стрелы тонкого света берез,
туман из звезд в моей рощи, гуляющий пророчеством пепла
между страниц, закрытых дверей и глаз
(муза нью-эйджа на надгробии солнца)

Классико. Дубль 2

Объятыя вешние венком сонетов нежных
Я сплел в груди, когда по краю крыши
Ты танцем ночи белой промелькнула

и одеждой
Тебе служила нагота, когда я слышал
Твое тончайшее звучанье ласк ночных
На шпильях синих сосен, в сердце лунном,
И спутником тебе была одна из нимф,
Одна из муз, одна из флейт приبلудных.
Простор дыхания, воскуренный в цветах,
Тебе сопутствовал мистерией лиловой.
Я не держал тебя на риск свой, на свой страх,
И ты со мной теперь, лишь в памяти безмолвной,
В терновой памяти рассветного ключа,
Пыльцой седых висков, молчаньем лета.
Объятья вешние в груди моей кричат,
Что ты танцуешь диким ветром, еще где-то.
Слова сухие, незаконченный пейзаж,
И нагота твоя серебряной одеждой,
Спасибо кровью, этой искре, что зажглась
Прекрасной болью, бледным сном надежды,
За то, что в благодарность смог облечь
Минутный шорох листьев на дороге,
Где ты прошла, где мне могилой лечь
Хотелось в вечности влюбленной, босоногой.

Убежище

Соленый запах морского ветра
на отшлифованной, вязкой росой зари,
песчаной косе,
где в плену волн,
покачивающихся горячим оловом,
шепчутся тени рыбацких лодок.

Млечный путь скрипа чайки,
растянувшийся вне пространства и времени,
эхом старых легенд и мифов.

На берегу,
в коралловой дымке,
серебряный всплеск мандолины,
варят кофе и провожают день.

Над загорелым сердцем
восходит луна поэзии,
прикуривают молочные звезды,
звенящие мелочью
в карманах потертых джинсов.

A18

A1

Искусство – это индивидуальность;
поэзия – это неуловимое;
слова – маленькие идола человека.

A2

Бессмертие – это усталость;
бессмертье в искусстве –
ответ на вопрос: есть ли жизнь после смерти?

A3

Мудрость столетних войн – один мазок кисти,
одна нота, оттиск одной строки
в поисках мира.

A4

О, мир, тяжелый труд счастья –
долго зреющая мысль –
перенесенная любовь осенних картин.

A5

Болезнь – это размышление;
потеря – поиск себя –
пока мы спим и видим лето снов.

A6

Займись любовью, чтобы понять себя,
будь старше на три предложения,
начинающихся со слова – любовь.

A7

Если смочишь глаза росой –
никто уже не отменит рассвет,
никто уже не спасется от света в стихах.

A8

Капля упала на лотос;
слезы – не всё к разлуке;
слезы – это к цветам на устах мудреца.

A9

Представь – на одной чаше весов – твоя жизнь;
на другой – твоя смерть;
представь – весы в равновесии.

A10

Человек нужна точка опоры – стул;
человеку нужна путеводная нить – уздечка в ладони;
а может, он просто, хочет повеситься?

A11

Я пью кофе и думаю о тебе,
кофе с коньком, кофе со сливками, просто кофе,
и думаю о тебе – моя жажда.

A12

Зимние звезды –
как будто ночь вычесывает перхоть в кулек зрачка –
я был здесь однажды.

A13

Северное сияние бесконечной зимы,
бесконечной весны, лета, осени –
моего настроения.

A14

И там, за вырванной жилой горизонта –
солнце ночи, лунный день – пропись художника –
закаты, восходы, акценты и ударения.

A15

Демон холодной рефлексии,
впивающийся клещами в целостность поэтического образа –
мой демон.

A16

Слово, скребущее ночь,
слово, излитое нервной вязью чернил –
вскрытая вена.

A17

Четыре благородных истины, скрижали завета,
руины Атлантиды –
мое не рожденное сердце.

A18

Усталость моих глаз – припев –
квадратный корень
из Песни песней.

Воспоминания, которых, возможно, и не было

Я проснулся в утробе матери от передозировки, висящего,
где-то за горизонтом ее глаз, синего неба;
на меня обрушились стены мира, нервом душной свободы,
где каждый бредет по своей, отдельно взятой пустыне.
Здравствуйтесь, но я ведь вас не просил.
Здравствуйтесь, но я ведь даже не знаю, хочу я того, или нет.
Здравствуйтесь, убийцы моей невинной природы, моей пустоты.
Кажется, кто-то задумался (или сделал вид)...

Я явился на суд присутствующих
обрезанной пуповиной молодого августа, на рассвете, в шестом часу,
пленение кислородом, будто наждачной кожей, резало горло –
самое лучшее время для отпуска
(слава богу, тогда, я еще не мог этого знать);
наверное, ночка выдалась жаркой –
с тех пор, я люблю ночь.
Кажется, что люблю..

При рождении, вся моя жизнь,
будто пронеслась у меня перед глазами,
но, к счастью, я все скоро забыл,
ведь знание будущего не освобождает от ответственности,
иначе, возможно, Вас, читатель, для меня,
здесь, никогда бы не существовало,
здесь, в оптоволоконном удаленном доступе, меня, получающего
авторский грош внимания во имя бессмысленных слов.
Кажется, что бессмысленных...

И вот, я подытоживаю сгоревший момент, секунду, умираю в нем, в ней,
подсчитываю ступеньки безысходного очарования,
и неловко спрашиваю себя:
верит ли в нас еще Бог,
как верят эти старые оловянные звезды с обрыва вечности,
как эти лебединые облака,
громоздящиеся на геральдике горных щитов?
Кажется – да...кажется – нет...

крещусь, в точке схождения линий жизни,
спроецированных на пыльную книжную полку
с историями болезней,
и закрываю глаза на давление света,
открытого даром улыбки.

Бесприютная душа,
путешествуй во времени, в прошлое –
смотря на звезды.
Ночь от снега свежа,
значит можно
захватить больше света
с ветром
в прозрачном воздухе.
Даже если стоишь
у окна, у ржавой трубы, один,
греешь руки, боишься заснуть
и кому-то кричишь –
эй, там, я за вами,
в очередь на подглядывание,
на покупку вечности
у маленьких оловянных
сердечек
на небе декабрьском –
ты уже назвался поэтом,
ты уже обнадёжен радостью
этого света,
нашедшего твой зрачок
сквозь миллион световых лет,
ты уже – причем –
в этом тусклом коротком метре
жизни, поверь мне,
печалью раскрашенный силуэт
в зимнем окне.

Так случается иногда, по пятницам, или субботам,
в некоторых городах,
где-нибудь на улице Ленина –
чернокнижие, воскресающее в силовых линиях взгляда,
в подсветке радиоактивного оранжа ливня заката;
он и она – как ночь на проводах,
тончайшая струнка загадочной вселенной
любви.
И если Микеланджело
захотел бы высечь в камне этот вечерний ветер –
он утонул бы в пыли –
пыльце весеннего хруста
под промокшими ногами.
Так случается иногда, по вторникам, или средам,
в некоторых городах,
где-нибудь на остановке Пушкинской –
заставляя быть лучше,
чем кажешься сам себе –
одинокчество находит свою тень;

он и она – как взмах
осенней листвы, пунктир золотого дождя,
голос сорванный, непослушный,
рябью, волнением
цвета морской волны.

Пью кофе,
смотрю на снег,
слушаю тропических птиц
(в записи).
Сломанная стрела времени
застряла в пробке зимы.
Ты покрасилась
и осталась дома.
Цветок фонаря,
фосфор луны,
призрак камина –
триединое благословение.
До любви –
одно прикосновение;
до ненависти декабря –
один шаг
за дверь.
Огонь в камине задул печаль.
Из блюдца луны
в зеркальном ноктюрне льда –
чаепитие ночи.
Что я?
Лишь отражение звездного неба в глазах,
созерцание камня,
обернувшееся цветком.
Тсс...
Давай на потом...
О словах позаботится
тень многоточия.
Первый звонок наготы на губах –
поцелуй-колокольчик.
Декабрьский ветер в дверях –
просит впустить погреться.
Что я теперь?
Лишь форма его крыльев,
сложивших за сердцем
звездное небо,
созерцание линий
окна,
обернувшееся вселенной
твоей.

На белом свитере зимы оборванная нить повествования.
Укутаюсь в вечерний свет, метель и чай,
отчаянье
и случая холодный поцелуй.
Печать печали,
недопитое вино в бокале полнолуния;

распятый без креста, расстрелянный без пуль,
шлю письма наугад –
но в них – ни строчки, только знаки препинания –
и леденящий взгляд –
для маскировки.
Как поиск расставанья –
расстоянья белых пашен,
пейзаж
с молитвой синих губ.
И страшна
красота обмороженья
до раскаянья.

Черный снег под колесами набивает оскомину.
В пробках, в давках, в лифтовых шахтах,
подвешенный за позвонки,
я свинцовое небо трактую наскоками
поэтической кухни.
Отвечаю залпом на письма, звонки,
чтоб убить одиночество духа.
Провожая стеклянный осколок реки,
в горизонте застрявший с дымком городским –
так пишется поздней осени утро.
Помню смутно –
сходить в магазин, оплатить электричество, телефон;
не записанный сон –
досмотреть;
чья-то смерть –
по расписанию
в вечернем эфире;
и воздух ночной, хрустальный,
опрокинувший гололед.
Зачем
не забываю, помню?
А в ответ, лишь поет, ноет
ветер-посыльный,
волк или волхв,
с балкона, перрона, с оконной
щели глаз-перебежчиков
снежных,
не высмотренных до конца,
до корки...

Букварель

Меркнет молью молитва моря,
Самая синяя, самый соленый сапфир,
И кажется, кричит киноварь
Закатной золы, завуалированная
Под пожар песка и памяти.
Ритмом разлитой ртути
Возьются волны с ветром,
Ленно-лиловой лепниной льются
Горизонты гор громовых, гребни
Древних дольменов. Дымок
Кипарисов капает с кистей

Аллеи. Аллилуйя! Аллилуйя!

Тяга таверн, теплая тушь теней,
Звездные зори звенят зазеркальем,
Свесившись сонной солью
На набережную нуара.
Чарки чаек черпают черный
Воздух восточкой ветреной вольности,
Колыбельным криком. Курю.
Пепельной птахой песня поздняя
Крылья-куплеты кидает
В лицо ледяной луны.
Искрой илисто-изнеможенной
Догорает день, доставая до дна.

Прибой, патокой пены прожженный,
Сияет скользким свеченьем.
Слышно созвездиям сердца стук,
Мятного, мариинского, млечного.
Образ отлитый оловом
Влаги впадает в воронку взгляда -
Это эскиз эха
Улисса. Ульем упало
Безмолвие бархатной бездны
Неба ночного, нитью напутствий
Сходясь сквозь слезы Селены.

Морось молочных медуз
Режет рук распростертых русло.
Плоскость парит пространством
Трехмерным. Трудно
Быть безучастным, безликим, бездушным,
Наглотавшись нот
Чистого черноморья,
Перед прозой, плененной поэзией,
Перед плывущим полем
Венозных водорослей, влезших
На скалы сердца.

Акценты

Последний день, моей последней осени,
До тридцати.
И так - до бесконечности,
По встречной.

Краюхой уха задевая
Ударный взброс ежесекундности,
Слетаюсь в память, в грезич белизну -
В неавь - там, где теплей и безопасней,
Где меньше мудрости
Лицом к лицу.

Взгляни, душа -
Осколки дня волной смывает лунной.
Безумие -
Считать осколки дня.

Взгляни - строка,

Созвучие метафор,
И многомерный опыт личных сред
Шлифует, преломляет и при этом –
На выходе – читатель, а не автор –
Ожившей плотью задышала глина
Стихотворенья на клочках салфетки.

Последний день зачатия зимы,
Еще нет тридцати,
Но так уже знакома –
Во влажном блеске
Мотыльков фонарных –
Кома;
И время, снежным комом,
От тоски.

Внутривенно. Триптих

I
Господи, Господи,
Ведь бесполезно вынашивать планы, когда эти планы чужие.
Острые кости
Режут, как стекла, кожу – беги, беги – но так хрупко, такие
Ломкие в ломках без права на правду.
Исповедь исподволь длится годами, проповедь водит по кругу,
Радуга радугой
Черно-белой. Мы, кажется, стали ближе друг другу,
Когда небо упало на голову прахом рассвета,
Но в знаках непостоянства – судьба.
Не мешай мне молчать, если хочешь поговорить об этом.
Крик про себя
Аукнется громче в том мире, где каждый получит
Свой крест и печать гранитной плиты.
Не мешай мне озвучивать
Землю сырую, дождь и цветы
Под ногами прохожих волхвов. Если хватит любви,
Я вернусь, и еще раз сыграю водой ключевой
Увертюру разлучного утра.

II
Небо, цвета кожи третьей стадии алкоголизма,
Пейзаж, вдохновляющий
На самоубийство кисть экспрессиониста
(непередаваемо),
Всеобъясняюще
Краткий взгляд зимнего солнца –
Предположительно,
Об это грустит старый подсвечник,
Подводя сажей глаза,
Обескровленным ветром
Разведенные
На слезы, словно ленточки
В промокашке волос.
Предметная лирика,
Усугубленная позой,
Фразой о собственной бесполезной выходке
За пределы слов.
Нехватку воздуха
Компенсирует лень

И спиртные напитки –
Внутривенно.

III

Мы спим, сжимая сердца прописи,
Мы в снах друг друга видим молодыми, до Адама.
Сок выжитой луны и тени на обоях,
Там Босх и поздний Гойя, там играет Бах.
Мы переводим древних рукописей ночь,
Мы опускаемся до жанра мелодрамы.
Сок прожитой весны и пепельные зори,
Там эпатаж Дали и первобытный страх.
Мы опускаем предысторию и время,
Мы отпускаем свет размытой панорамы.
Сок высохшей лозы глаза судьбы наполнит,
Там будет тишины последний шанс.

Декабрьский дождь

Ожидание послевкусия кофе,
притаившееся на глянце сетчатки
утро цвета ночи с декабрьским ливнем.
Атлантический фронт – говорит Гидрометцентр;
чертова слякоть, жди изобилия
гололеда –
кривится душа в поднывающих позвонках.
Жму на блестящие язвочки кнопок мобильного,
передаю привет
случайному абоненту,
авторизирую память и интерфейс
понедельничного синдрома невидимости,
и все – свысока
своего падения.
Здравствуй душа, я соскучился, как ты..
Прикормленная, смотрит в лес.
Накатывает
вдохновение подзаборного блюза с кислыми щами.
Ставлю точку, договорим завтра, на интерес.
.....
Интерес мой – геометрия цвета, алгебра звука
и проводница поэзия на ниточках
голосовых связок усталой реки.
Барабанная дробь дождя в водовороте уха
скатилась волной черепичной –
зимнее отступление, декабрь с пальца правой руки
обронил обручальным кольцом серебро
и пустился в бега. Подставляю ладони –
с неба беда бедокурит бледной балладой.
За стенкой темно,
в комнате, кое-где, еще теплится свет с бутона,
слипающей под тяжестью вечера, люстры. Прохлада
нового тысячелетия, маркированная Водолеем,
изливает на голову дерганый трафик.
Мое имя – четыре буквы в анамнезе святости.
Живу, как умею –
хорошее оправдание, хорошая эпитафия,
в теории относительности,
перемноженной с теорией вероятности.
.....

По-вероятности, дождь и ветер
когда-нибудь дадут слабину, и тогда, на сухую,
я нарисую солнце в твоих волосах,
моя первая-последняя любовь,
и тебя – надменный философ, смерть...

Послесловие

сон бабочки
в коконе
на цветочной поляне,
изъеденной болью
потерянной молодости
(Сослезоточие)

как непостоянно пламя бытия
как призрачно осязаемы его мотивы
как целебен огонь последнего глотка воздуха
(Пылевидное)